

— Вам помочь донести до комнаты? — спросил водитель, помогая Цао Е выгружать вещи.

— Не нужно, — ответил Цао Е. — Я сам потом подниму. Спасибо, дядя.

— Тогда я поехал. У твоего дедушки дела, — сказал водитель. — Я заеду вечером.

Цао Е кивнул и крикнул Лян Сычжэ, стоящему на лестничной площадке:

— Лян Сычжэ, иди сюда! Я столько всего принёс.

— Что принёс? — спросил спустившийся по лестнице Лян Сычжэ, подходя к нему. Как только он приблизился, хаски, которого держал Цао Е, встал на передние лапы, пытаясь на него прыгнуть. Собака была немаленькая, и Лян Сычжэ невольно отступил на шаг.

— Эй, эй! — Цао Е потянул поводок назад. — Веди себя прилично!

Хаски непрерывно вилял хвостом, явно выражая дружелюбие. Лян Сычжэ наклонился и погладил его по голове, затем посмотрел на Цао Е:

— Зачем ты привёз собаку?

— Я же обещал показать его тебе. — Цао Е снова потянул поводок, когда хаски попытался прыгнуть к Лян Сычжэ. — Эй... Он всё время к тебе лезет.

— Ничего. — Лян Сычжэ пребывал в прекрасном настроении. — Как его зовут?

— Цезарь, — ответил Цао Е. — Не бойся, он не кусается.

Цезарь, тяжело дыша, с открытой пастью, тянул шею к Лян Сычжэ. Лян Сычжэ присел на корточки, почесал его загривок и, улыбаясь, посмотрел на Цао Е:

— Какой он дружелюбный...

— Ты ему, видимо, понравился.

— Он, наверное, со всеми такой? — рассмеялся Лян Сычжэ.

Собака была слишком ласковой и пыталась лизнуть его в лицо. Лян Сычжэ едва сдерживал её, почесывая шею, и не заметил, как тёплый влажный язык его лизнул.

— Ой... — Он машинально вытер лицо тыльной стороной ладони и встал.

— Нет... Он не любит моего двоюродного брата, всё время на него лает... Эй... — Цао Е оттянул Цезаря, который, облизав Лян Сычжэ, всё ещё тянулся к нему, и неловко посмотрел на Лян Сычжэ. — Он раньше так себя не вёл... Тебе, наверное, нужно умыться?

— Да, он мне всё лицо облизывал. — Лян Сычжэ снова вытер лицо рукой.

— Пойдём, поднимемся наверх, а его оставим пока здесь. — Цао Е повёл собаку к центру холла. Дойдя до каменной колонны, он остановился и передал Лян Сычжэ аппарат, который держал на правом плече. — Подержи, пожалуйста.

— Что это? — спросил Лян Сычжэ, беря аппарат. Вещь была довольно тяжёлой, удивительно, что Цао Е нёс её на плече. Он осмотрел её. — Видеокамера?

— Да. — Цао Е наклонился и, несколько раз обмотав поводок вокруг колонны, привязал Цезаря.

— Надеюсь, не убежит. — Он присел и погладил Цезаря по голове. — Сиди здесь, никуда не уходи... — Не успел он договорить, как Цезарь подскочил к нему и лизнул в лицо.

— Ы-ы... — Цао Е рефлекторно отшатнулся и, встав, тоже вытер лицо тыльной стороной ладони. — Весь в слюнях теперь!

Лян Сычжэ рассмеялся.

— Мне теперь тоже надо умыться, — сказал, морщась, Цао Е. К счастью, слюни Цезаря ничем неприятным не пахли, но ощущение сырости на лице было неприятным. — Пойдём наверх, — сказал Цао Е и, тут же повеселев, потянул Лян Сычжэ за запястье, быстро поднимаясь по лестнице. — Идём-идём, заодно и камеру проверим!

Поднимаясь по лестнице, Лян Сычжэ заметил, что Цао Е принёс за спиной не только скрипку, но и длинный предмет. Он дотронулся до него:

— Что это за оружие?

— Угадай. — Цао Е, улыбаясь, обернулся к нему.

Лян Сычжэ пощупал предмет — это была тонкая палка.

— ...Удочка?

— Бинго! — воскликнул Цао Е.

— Здесь можно рыбачить? — Лян Сычжэ не слышал, чтобы поблизости была река...

— Это не для рыбалки, — загадочно сказал Цао Е. — Для другого. Потом расскажу.

Открыв дверь в комнату, они ощутили поток прохладного воздуха. Цао Е сразу заметил на стене новый темно-синий кондиционер.

— У нас теперь есть кондиционер!

— Угу. — Лян Сычжэ поставил видеокамеру на стол и, чтобы Цао Е не задавал лишних вопросов, сказал: «Иди умойся», повернулся и зашёл в ванную.

— А, подожди меня, — Цао Е положил скрипку и удочку и последовал за ним.

Они склонились над раковиной и умывались, по очереди зачёрпывая воду. Лян Сычжэ закончил быстрее, вытерся полотенцем и уже хотел повесить его обратно, как Цао Е брызнул ему в лицо водой.

— Ну и ребёнок... — рассмеялся Лян Сычжэ и в ответ накрыл полотенцем смеющееся лицо Цао Е. Цао Е не стал церемониться и как попало вытерся полотенцем, а затем бросил его:

— Быстрее, идём смотреть камеру.

Выйдя из ванной, Цао Е нетерпеливо схватил видеокамеру и сел на кровать. Сняв с камеры толстый защитный чехол, он положил её на колени и начал с ней возиться.

— Откуда она? — спросил Лян Сычжэ, сидя на своей кровати напротив него.

— Дядя Инь достал через знакомых, — ответил Цао Е, открывая крышку объектива. — Он сейчас за границей, не могу с ним связаться. — Он поднял камеру к плечу, направив объектив на Лян Сычжэ. — Работает! Вижу тебя.

Видеокамера тихонько зажужжала. Лян Сычжэ посмотрел в объектив:

— Зачем тебе камера?

— Ну, скоро же прослушивание... Надо привыкать к камере... Не отворачивайся, скажи что-нибудь.

— А что говорить? — Лян Сычжэ улыбнулся. Он действительно чувствовал себя неловко перед камерой. Раньше во время выступлений на него тоже было направлено множество камер, но камера, направленная на сцену и снимающая его крупным планом — это совершенно разные вещи. Эта камера вызывала у него дискомфорт. Она была слишком близко, так близко, что, казалось, способна уловить любое, даже самое незначительное изменение выражения его лица.

— Что угодно... Чем ты занимался все эти дни? — спросил Цао Е из-за камеры.

— Читал сценарий, смотрел фильмы... Вот и всё.

— Тогда... Ты скучал по мне?

Лян Сычжэ опешил. Этот вопрос застал его врасплох, и он не сразу нашёлся, что ответить.

Не дожидаясь ответа, Цао Е с ухмылкой произнёс:

— А я по тебе очень скучал, Сычжэ-гэ.

— Да ну? — Лян Сычжэ тоже улыбнулся. — Не заметил.

— Какой фильм ты смотрел?

— «Тринадцатый мастер Южного моря». Тот, что ты выбрал.

— А, любимый фильм дяди Иня... Я его тоже не видел. Надо было дождаться меня!

— Откуда же я знал, что ты вернёшься сегодня? Давай посмотрим его ещё раз вместе. Почему ты снимаешь только меня? Дай посмотреть. — Лян Сычжэ наклонился и взял камеру.

— Ты вдруг оказался так близко... — со смехом сказал Цао Е. В кадре лицо Лян Сычжэ резко приблизилось, а затем и вовсе исчезло из виду, уступив место острым ключицам. Цао Е убрал камеру и отдал её Лян Сычжэ.

Лян Сычжэ взял камеру, снова сел на кровать и, как Цао Е, положил её на плечо.

— Тяжёлая.

— Ага, это профессиональная камера. Отец, когда снимал свой последний фильм, пользовался такой же, — сказал Цао Е, сидя напротив. — Но дядя Инь сказал, что в этот раз, возможно, он будет снимать на плёнку. Для коммерческих фильмов он использует цифровую камеру, а для

артхаусных — плёночную. Но с плёнкой много мороки, и отснятый материал сразу не посмотришь. Эта удобнее.

— Ясно... — Лян Сычжэ посмотрел на Цао Е через камеру. Изображение было чётким, можно было даже разглядеть оставшиеся на его лице капли воды. — А в чём разница между артхаусным и коммерческим кино?

— Я точно не знаю. Кажется, артхаусное кино больше про самовыражение, а коммерческое — про впечатления зрителей? Это я так... Предполагаю. Надо будет спросить у дяди Иня...

Цао Е вдруг приблизил лицо к камере и посмотрел в объектив одним глазом.

— Ну как, я фотогеничный? — Он говорил с улыбкой, и в объективе его глаз выгнулся красивой дугой.

— Неплохо, — улыбаясь, сказал Лян Сычжэ. — Вполне фотогеничный.

— Кстати... — Цао Е встал, подошёл к столу, достал из чёрного чехла удочку, вернулся и сел перед камерой. — Угадай, для чего это?

— Чтобы что-то ловить? Спустить с крыши, чтобы я снизу что-то прицепил?

— Ого, ты такой умный! Как ты догадался? — Цао Е раздвинул удочку, поднёс её к Лян Сычжэ и зацепил крючком край футболки под ключицей. Слегка потянув, он приподнял футболку.

— Неужели ты меня на ней поднимешь?

— Говорят, она выдерживает больше ста килограммов. Сколько ты вешишь?

— Около шестьдесят.

— Тогда, может, и правда получится.

— Попробуешь?

— Не, лучше не буду. Боюсь, стяну с тебя футболку через голову... Мы всё ещё снимаем? — Цао Е убрал удочку и сел рядом с Лян Сычжэ. — Давай посмотрим, что получилось.

Лян Сычжэ уже хотел опустить камеру, как вдруг Цао Е воскликнул:

— Стой!

— Что? — Лян Сычжэ замер.

Цао Е наклонился, протянул руки к объективу, сложил их вместе и громко хлопнул:

— Снято! — Затем он откинулся назад и сказал с улыбкой: — Для создания атмосферы.

После этого «снято!» Лян Сычжэ опустил камеру на колени и подвинул её к Цао Е. Тот повернул небольшой экран, нажал несколько кнопок, нашёл только что записанный фрагмент и включил воспроизведение.

На маленьком экране появилось лицо Лян Сычжэ с мокрыми волосами и каплями воды на щеке. Лян Сычжэ машинально поднял руку и вытер лицо, а затем раздался его собственный голос: «Зачем тебе камера?» После этого Лян Сычжэ на экране небрежно отвернулся, слегка повернув лицо к камере.

Лян Сычжэ было неловко видеть себя на экране. Камера была слишком близко, улавливая малейшие оттенки эмоций в его глазах. Казалось бы, обычный поворот головы, но на экране он выглядел иначе.

— Неплохо получилось, — сказал Цао Е, глядя на изображение. — Ты очень фотогеничный.

— Правда? — рассеянно ответил Лян Сычжэ. Он смотрел на себя на экране и думал, что так он выглядит, когда разговаривает с Цао Е — с улыбкой на лице. Он казался себе каким-то незнакомым.

— Но ты как будто немного боишься камеры... Дядя Инь говорит, что если хочешь выглядеть естественно на большом экране, нельзя бояться камеры, потому что экран увеличивает все детали лица, и малейшая неестественность будет заметна.

В этот момент изображение на экране переключилось на лицо Цао Е. Лян Сычжэ продолжал смотреть. На лице Цао Е, как всегда, играла улыбка, он выглядел живым и подвижным. В отличие от скованного Лян Сычжэ, Цао Е перед камерой казался более естественным.

— Пойдём, спустимся за штативом. — Цао Е выключил камеру, положил её на кровать и, потянув Лян Сычжэ за собой, вышел из комнаты. На ходу он пересказывал ему слова помощника режиссёра: «Чтобы естественно держаться перед камерой, нужно преодолеть психологический барьер и привыкнуть к ней, относиться к ней как к старому другу... Самый быстрый способ — это заставить себя смотреть в камеру, принять себя таким, каким тебя видит камера. Тогда на пробах тебя не превзойдут даже те, кто уже снимался...»

Дойдя до лестничной площадки первого этажа, Цао Е вдруг остановился и удивлённо воскликнул:

— Эй... А где Цезарь?!

Столб была пуст. Поводок, которым была привязана собака, похоже, развязался.

— Неужели убежал?! — Цао Е быстро сбежал вниз.

— Давай спросим. — Лян Сычжэ последовал за ним.

На первом этаже никого не было. Они выбежали на улицу и, оглядевшись по сторонам, не увидели Цезаря. Хозяин фруктовой лавки напротив сидел на корточках и резал арбуз. Цао Е спросил у него:

— Дядя, вы только что не видели выбегающую отсюда собаку?

— А, видел. — Продавец поднял на них взгляд. — Большая такая, я даже испугался. — Он указал в сторону начала улицы: — Кажется, она побежала туда.

Цао Е тут же бросился в указанном направлении. Он бежал довольно быстро и, пока продавец спрашивал, не хотят ли они арбуз, уже убежал на несколько метров. Добежав до бара, он замедлил шаг, прошёл ещё немного и остановился.

— Что такое? — Лян Сычжэ подошёл к нему и увидел Цезаря с белой дворняжкой, которую они часто подкармливали, в весьма двусмысленной ситуации. Две собаки, тряслись, сплетённые вместе... Ну и дела!

Он посмотрел на Цао Е. Тот стоял, ошеломлённо глядя на происходящее. Лян Сычжэ не смог сдержать смех. Цао Е опомнился, и на его лице отразилась смесь гнева и смущения. Он крикнул:

— Цезарь!

Цезарь, всецело поглощённый маленькой белой собачкой, не обратил на него внимания. Пару раз, когда та пыталась убежать, он бросался за ней вдогонку.

«Ц-ц-ц, — подумал Лян Сычжэ, — его зовут Цезарь, такое величественное имя, а ведёт себя совсем не как император...»

— Я пойду заберу его. — Цао Е, стиснув зубы, хотел было подойти и разнять собак.

Его смущённый и расстроенный вид напомнил Лян Сычжэ о том утре, когда у Цао Е случился первый «мокрый сон». Лян Сычжэ решил поддразнить его и, положив руку ему на плечо, остановил:

— Эй, не надо.

— Почему? — Цао Е непонимающе посмотрел на него.

— Твой... этот... Цезарь... — Лян Сычжэ наклонил к нему голову и серьёзным тоном тихо сказал на ухо: — Видно же, что он долго сдерживался. Поставь себя на его место, тебе бы понравилось, если бы тебя прервали в такой момент?

Лян Сычжэ говорил с таким серьёзным видом, что Цао Е, услышав это, действительно остановился и не пошёл дальше. Но ему показалось, что что-то здесь не так. Пока он пытался понять, что именно не так, Лян Сычжэ не выдержал и тихонько рассмеялся ему на ухо. Звук не было, но поток воздуха коснулся уха Цао Е. Он повернулся и увидел, как Лян Сычжэ изо всех сил пытается сдержать смех.

Как только их взгляды встретились, Лян Сычжэ, увидев растерянность Цао Е, тут же расхохотался. Смеясь, он взъерошил ему волосы рукой, которая всё ещё лежала у него на плече.

— Ты и правда поставил себя на его место...

— Эй, нельзя трогать парней за волосы! — тут же возмутился Цао Е.

— Правда? — Лян Сычжэ убрал руку и улыбнулся. — Буду иметь в виду.

— И что теперь делать? — Цао Е с беспокойством посмотрел на бесстыдствующих собак. — Я правда не могу их прервать?

Чем больше он переживал, тем сильнее хотелось смеяться Лян Сычжэ. Он покачал головой и со смехом сказал:

— Ты такой милый, Цао Е.

— «Милый» — это не про меня. — Цао Е вздохнул, глядя на собак. Вид у него был озадаченный.

— Чего глаза не видят, о том и сердце не болит. — На самом деле Лян Сычжэ тоже не знал, что делать в такой ситуации. Он отвернулся и, сдерживая смех, сказал:

— Не смотри, и всё.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130258>